

К вопросу о том, зачем учить «на психолога»

Александр Михайлович Боднар
Эльвира Львовна Боднар

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

To the Question of Why to Teach “to a Psychologist”

Alexander M. Bodnar
Elvira L. Bodnar

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Для цитирования: Боднар, А. М., Боднар, Э. Л. (2023). К вопросу о том, зачем учить «на психолога». *Lurian Journal*, 4(1), pp. 34–44. doi: 10.15826/Lurian.2023.4.1.3

To cite this article: Bodnar, A. M., & Bodnar, E. L. (2023). To the Question of Why to Teach “to a Psychologist.” *Lurian Journal*, 4(1), pp. 34–44. doi: 10.15826/Lurian.2023.4.1.3

Аннотация. Ситуация, сложившаяся в сфере образования — катастрофическая. Но у школы есть собственные силы и средства для минимизации ущерба, наносимого перманентной реформой образования. Университеты все еще располагают академическими свободами и могут выбирать пути образовательного процесса. Главное — формировать у студентов понятийное мышление, без которого образовательная деятельность становится фикцией.

Ключевые слова: деградация образования; практическая психология; понятийное мышление; функциональная неграмотность; уровни психологического образования; перепроизводство психологов

Abstract. The situation in the field of education is catastrophic. But the School has its own forces and means to minimize the damage caused by the permanent reform of education. Universities still have academic freedom and can choose the path of the educational process. The main thing is to form students' conceptual thinking, without which educational activity becomes a fiction.

Keywords: degradation of education; practical psychology; conceptual thinking; functional illiteracy; levels of psychological education; overproduction of psychologists

Поговорить о положении дел в современном психологическом образовании представляется весьма своевременным, поскольку количество производимого факультетами психологии «продукта» превышает разумные пределы (хотя, судя по растущей численности абитуриентов, общество пока этого не осознало), а его качество, как говорится, оставляет желать лучшего. И речь идет прежде всего о практической психологии хотя бы потому, что не менее 90 % поступающих на психфак хотят стать и становятся именно практическими психологами. Отсюда и вопрос: какие цели ставят перед собой факультеты психологии и те органы, которые регламентируют их работу?

В 1970-х гг. практической психологии в нашей стране не было. Прикладная, разумеется, была, а вот практической — нет. О ней заговорили в 80-е, а в 90-е она стала фактом и фактором бытия не только психологического сообщества, но и всей страны (впрочем, говорить обо всей стране, может быть, и чересчур, ограничимся большими городами).

Психологи нынче в моде. Приведем для иллюстрации всего два факта. Когда в 90-е стали создавать коммерческие вузы, то факультеты в каждом из них были разные, но почти везде присутствовала троица: юридический, экономический и — психологический (сравнительно недавно стали говорить о перепроизводстве юристов и экономистов, но не психологов). Другой пример — свежий. Если в 2020 г. на первый курс психфака УрФУ поступило 100 человек, то в 2021 уже 233, а в 2022 — 264 человека! (При этом количество преподавателей не увеличилось, но это, как сейчас принято говорить, другое.)

Что побуждает молодежь (в подавляющем большинстве девушек) учиться «на психолога»? Среди причин есть и самые достойные, например, желание помогать людям с душевными проблемами. Но поскольку вопрос этот всегда интересовал факультеты психологии и изучался, то доподлинно известно, что большинство абитуриентов не знает внятного на него ответа, и по закону нормального распределения таких «невнятных» среди них порядка 70 %. Соответственно, по 15 % людей с радикалом подвижника и тех, кто сознательно выбирает путь манипулятора (это, кстати, касается и успеваемости: ожидаемо, что около 70 % должны быть троечниками разной степени «твердости», 15 % — «хорошистами», а 15 % нужно — для всеобщего блага — безжалостно отчислять). Наши многолетние наблюдения полностью подтверждают этот теоретический прогноз. Но если посмотреть на результаты защит выпускных квалификационных работ, то там обнаруживаются преимущественно пятерки, реже четверки и совсем изредка тройки. Вспоминается анекдот М. М. Жванецкого: «Может, что-то в консерватории подправить?»

Бурный численный рост поступающих на психологические специальности определяется не только модой, но и во многом легкостью поступления. Сегодня, чтобы стать студентом, надо просто подать документы. И если на бюджетные места есть некое подобие конкурса, то на коммерческие берут всех. А вот конкурс на психфак ЛГУ в 1970-е гг. был 15 человек на место, конкурс на психфак УрГУ в первые 10 лет его существования (с 1992 г. до введения Болонской системы) пусть

не такой внушительный, но солидный — 5–7 человек. Сегодня же, повторим, берут всех, кто может заплатить.

Результат такой коммерческой политики нам, работающим с первым курсом, очевиден: половина поступивших вообще не способна к обучению в университете (Ясюкова, 2022), а нормально работать с остальными (ключевое слово — нормально) преподаватели не имеют физической возможности. Проводить нормальные семинары, т.е. неторопливо читать и разговаривать о сложном и, как говорил Г. П. Щедровицкий, начинать таким образом головы студентов понятиями (Щедровицкий, 2004, с. 5), возможно только на бумаге, если у одного преподавателя восемь групп и по 30 студентов в каждой.

Но жить-то надо. Поэтому преподаватели вынуждены менять жанр, переходить от классического семинара (базового средства развития мышления) к так называемым практическим занятиям. Мы говорим «так называемым» не из неуважения к ним, а чтобы подчеркнуть: семинары и практики — не взаимозаменяемы. На семинарах разговаривают (это важно, студент должен говорить!), чтобы понять, «начинают головы понятиями», а на практиках упражняются с понятием, вырабатывают умения и навыки. А когда понятий нет и, соответственно, упражняться не с чем, то практические занятия вырождаются в развлечения (потестируем, порисуем, поиграем и т. п. — это красиво называется «прогрессивными» методиками) — главное, чтобы студенты не скучали и не уставали (а то соскучившись или приустав, напишет кто-нибудь жалобу, не так-де учите...).

С другой стороны, результаты практик надо оценивать, и проще всего поставить пятерку, поскольку даже по поводу четверки последует вопрос «Почему?» — ведь я же присутствовал, тестировался, играл и т. д. Ближайшее и очевидное следствие такого подхода — тотальная успеваемость на «отлично», чего быть не должно хотя бы потому, что быть не может, чему порукой — закон нормального распределения.

Зачем нужны эти описания, если любой преподаватель вуза является наблюдателем или участником подобных событий? Чтобы еще раз напомнить: образование деградирует. И процесс этот начался не вчера. Важнейшая, по мнению лидера движения «Родная школа» математика А. В. Савватеева (2022), причина упадка школы — принятый в 1970-е гг. закон о нежелательности второгодников. Но это — внешняя по отношению к образованию причина. А вот развал лучшей в мире советской системы образования изнутри начался в 1961 г., когда психологом Д. Б. Элькониным был предложен фонетический метод обучения грамоте. Правда, эту дату можно считать условной, поскольку тогда предложение Д. Б. Эльконина и его соратников-единомышленников не было принято, но через 20 лет они-таки «продавили» свой метод, и процесс деградации образования был запущен. Конечно, фонетический метод обучения чтению — не единственная причина того печального факта, что 80 % выпускников школ являются функционально неграмотными (умеют читать, но не понимают смысла прочитанного) (В думе впервые честно..., 2021; ФГОС «Родная школа» ..., 2022; Чумакова, 2022; Шевкин, 2021), но — главная.

Конечно, невозможно предположить, что член-корреспондент Академии педагогических наук профессор Д. Б. Эльконин хотел ухудшить не идеальную, но все-таки лучшую в мире на тот момент и остающуюся таковой сейчас систему советского школьного образования. Но свое дело он сделал. Крах стал очевиден уже в 90-е, когда в школу пришло постперестроечное поколение детей, не умеющих, в отличие от первоклассников 80-х, читать. Из них и сменяющих их поколений и сформировались те 80 % функционально неграмотных, неспособных к обучению, понятийному мышлению наших молодых современников, количество которых множится с каждым школьным выпуском.

А потом они приходят в вузы, в том числе на психфак. Конечно, логика подсказывает, что большинство абитуриентов — из оставшихся 20 %. Им повезло с родителями и учителями, которые всегда находятся несмотря ни на что. Но совсем избежать пресса дефектной системы школьного образования (а потом и вузовского — ведь преподаватели вузов, рожденные в 80-е, — продукт эпохи перестройки и капиталистической реставрации, ломавшей все советское, и в первую очередь то, на чем все держится — Школу) не удастся и им. Доказательством являются, например, данные, собранные Л. А. Ясюковой за 30 лет мониторинга уровня понятийного мышления школьников и студентов Ленинграда–Санкт-Петербурга: этот уровень неуклонно снижается (Ясюкова, 2022). А еще из этих данных следует, что около 30 % студентов Санкт-Петербургского политехнического университета должны быть отчислены, поскольку их уровень понятийного мышления соответствует уровню техникума и с программой университета они не справляются (а ведь питерский политех — один из лучших вузов страны). Должны быть отчислены, но — не отчисляются.

Чего это мы все о школе, ведь наша тема — обучение студентов-психологов? Козьма Прутков предлагал зрить в корень, а корень любого образования — школа. Поэтому нам, вузовским преподавателям, чрезвычайно важно знать и понимать процессы, происходящие в школе, следствием которых является то, с чем мы сталкиваемся прежде всего на младших курсах: неумение значительной части студентов читать и писать (функциональная неграмотность), ее следствие — отсутствие понятийного мышления и — следствие следствия — фактическая неспособность учиться в университете (Ясюкова, 2010).

Это касается всех факультетов, но в меньшей степени естественных и технических и в существенно большей — гуманитарных. Действительно, ведь чтобы возникло хотя бы желание и ощущение возможности учиться, скажем, на инженера или врача, нужна какая-никакая научная картина мира, которая не сложится без усвоения основ наук — физики, химии, биологии и языка наук — математики. Многим будущим студентам-технарям и естественникам просто больше повезло с учителями. Именно повезло, поскольку, начав в 80-е гг. прошлого века отход от академической парадигмы построения образования, сегодняшняя школа в этом преуспела. Научной картины мира и понятийного мышления она не формирует,

о чем лучше всего говорят уже упоминавшиеся цифры: 80 % ее выпускников являются функционально неграмотными.

Но хорошие учителя есть, они и обеспечивают оставшиеся 20 % хороших выпускников. Только хорошим учителям-гуманитариям труднее: им-то самим повезло с учителями естественно-математического цикла, изучение которого наилучшим образом воспитывает понятийное мышление. Ведь само построение естественных наук требует для их изучения понимания учащимися сущности явлений, главных, а не второстепенных признаков выделения родовидовой иерархии явлений, причинно-следственных связей между ними. А в процессе изучения естественных наук эта их структура формирует способ функционирования сознания, формирует понятийное мышление. Но если, как отмечалось выше, в не самом слабом инженерном вузе до 30 % студентов достойны отчисления, то сколько же их на гуманитарных факультетах?

Почему это произошло? О первопричине мы уже говорили: стремление педагогических психологов (группа Д. Б. Эльконина) перестроить основу основ — заменить зрительно-логическую систему обучения грамоте (старшее поколение, учившееся читать и писать по букварю и азбуке до 80-х, помнит книги, где на странице мы видели букву А, а рядом картинку с изображением арбуза, и все знали, что слово арбуз начинается на букву «а») на *фонетическую*. А книги и уроки, в основе которых лежит фонетический разбор, помнят все, кто сегодня не старше 50. Не вдаваясь в теорию, на которой базировался фонетический подход, отметим факты. Например, далеко не все выпускники начальной школы, которые вроде бы умеют читать, успешно выполняют тесты на громкое чтение — могут рассказать, о чем был текст, т. е. не понимают прочитанное. Или, после длительных упражнений по фонетическому разбору при переходе к знакомству с символами, обозначающими слышимые звуки, — буквам, учительница показывает букву А и просит назвать слово, начинающееся с этой буквы. Половина класса отвечает: «Агурец». Как слышится, так и пишется!

Такими, фактически не умеющими читать и писать (агурец!), т. е. неграмотными, эти дети остаются и в средней школе, где нагрузки и требования к освоению учебного материала выше, и неграмотные дети с ними, естественно, не справляются. В советской школе такой проблемы не было, а в российской, начиная с 90-х гг., она появилась.

Как же реформаторы «справились» с проблемой? В 90-е появилось понятие «готовность к школе», детей стали тестировать на предмет этой готовности, т. е. подводить «научную» основу под формирование сословного общества. С 2013 г. в Закон об образовании внесли норму об ответственности родителей за результаты обучения их детей. То есть школа теперь и юридически сняла с себя ответственность за результат, фактически обязав родителей нанимать репетиторов, логопедов, психологов и прочих помощников, которых в советской школе не было в силу отсутствия надобности. Программы начальной школы для обучения грамоте (читать-писать-считать) и программы предметного обучения для средней шко-

лы, которые составлялись учеными-математиками, физиками, биологами и т. д., а не психологами из Академии педагогических наук (ныне — образования), ярким представителем которых был Д. Б. Эльконин, отлично справлялись со своей задачей.

Но это было давно, и кто теперь об этом помнит! Поэтому освежим воспоминания. 4 октября 1957 г. Советский Союз запустил первый в мире искусственный спутник Земли. В США — шок. Но выводы были сделаны быстро. Первое, на что они обратили внимание, — это на систему советского образования. В США в разы повысили зарплату учителям и открыли дополнительные школы и колледжи. Учебная программа была пересмотрена в сторону усложнения. Приемы советской школы и ее программу стали внедрять в элитных учебных заведениях Британии и США (Новик, 2022).

О нашей боли — школе — можно говорить бесконечно, но сказанного достаточно, чтобы перейти к психологам. Первое и главное: раз уж факультеты психологии существуют, за их продукцию как минимум не должно быть стыдно. Сегодня, например, психологи — нередкие гости на телевидении, и то, что и как они говорят, вызывает, зачастую, чувство неловкости. Царь Петр Алексеевич обязывал своих дворян приходить на ассамблеи и высказываться там публично. На вопрос «Зачем?» он отвечал: «Дабы дурость каждого видна была». Но наших-то молодых и не очень молодых коллег никто не вынуждает высказываться публично. Значит, высокая самооценка у них воспитана, а рефлексия — нет. Наличие рефлексии — следствие наличия понятийного мышления, нет одного, нет и другого. Факультет не обеспечил. И ссылаться на то, что школа поставляет некачественный материал, можно лишь частично: ведь в университет преимущественно идут 20 % умных. Зато сам университет разбавляет этот процент рекордными наборами студентов, которых в таком количестве не только некому учить (преподавателей-то не набирают), но и садить некуда.

Что же делать, как учить, чтобы потом не было мучительно больно? Этот вопрос мы уже подробно обсуждали (А. М. Боднар, Э. Л. Боднар, 2020), поэтому здесь повторим тезисно:

1. Каждый факультет на материале своей науки должен в качестве приоритетной решать задачу формирования понятийного мышления, определяющими компонентами которого являются рефлексия, анализ и планирование. Есть это — есть умение учиться, умение думать, есть фундамент успеха и в профессии, и в жизни вообще.
2. На младших курсах акцент должен делаться на фундаментальной подготовке, и ничего лучше классических лекций и семинаров для этого не придумано.
3. Психологов надо учить дольше и основательнее — не менее долго и основательно, чем врачей.
4. Студент должен напряженно работать, «пахать», ложно понимаемый гуманизм в Школе должен быть отброшен.

Надо оставить разговоры о перегрузке хотя бы потому, что учиться на гуманитарных факультетах — в том числе на психфаке, который почему-то считается гуманитарным, — относительно легко и дойти до диплома можно не особенно напрягаясь. Как говорит профессор А. В. Савватеев, лучший в мире вуз — МФТИ (физтех) потому лучший, что ни один другой вуз по объему работы, выполняемой студентом, сравнится с ним не может. Конечно, напряженно работать, а не «учиться в игровой форме» могут не все. Но вуз и призван учить не всех, а только тех, кто хочет и может. И если на факультет психологии будет трудно поступить и трудно на нем учиться, то часть проблемы уйдет как бы сама собой, останутся мотивированные и обучаемые.

Недавно по телевидению сообщили, что в некоем городе состоялся выпуск группы психологов. Группа была набрана из добровольцев, желающих работать с лицами, пережившими стресс в результате катастроф и военных действий. Как мы, университетские психологи, должны к этому отнестись? Однозначно положительно, поскольку понимаем, что в психологии могут (и должны?) существовать разные уровни подготовки. Как в медицине, где есть врачи, фельдшеры, медсестры, санитары, парамедики (во многих странах первую помощь пострадавшим квалифицированно могут оказать полицейские и пожарные, поскольку они получают парамедицинскую подготовку). Специалисты всех этих уровней безусловно нужны, они не заменяют друг друга, но обеспечивают целостность медицинской помощи.

Психологи, о которых сообщалось по ТВ, должны быть названы — по аналогии с медициной — парапсихологами (хотя коннотации, связанные со словом «парапсихология», вряд ли позволят это сделать). Соответственно, должны быть и психологи — медсестры-фельдшеры. Но об этом (пока?) не слышать. А вот психологический аналог врача есть, именно он готовится на факультетах психологии университетов и медицинских вузов и называется клиническим психологом.

Вопросов к практической психологии много, и их квинтэссенцией является непрекращающаяся многолетняя дискуссия о статусе практической психологии в ряду других сфер практической деятельности. В центре внимания животрепещущий вопрос: за что и как брать с практикующих психологов налоги? Конечно, это вопрос не внутриспсихологический и вообще не психологический, но пока психологическое сообщество не разберется, чем же занимается практическая психология, внимание к нему не исчезнет и не ослабеет (Ясюкова, 2023).

И вот наиболее активные и компетентные члены психологического сообщества начинают очередную волну дискуссии среди своих. Наиболее доступно, ярко и интересно эта дискуссия представлена на страницах «Психологической газеты» (электронное издание) института практической психологии «Иматон».

Психологи спорят об изначальном своем предмете — о душе, но в соответствии с духом времени употребляют другое слово — сознание (заметим: в нашем контексте тонкая разница между словами душа, сознание, психика несущественна, для нас они здесь — синонимы). Психологи-ученые изучают сознание, психологи-практики работают с сознанием. Но что такое сознание? Ведь ответа на этот вопрос, несмо-

тря на тысячелетнюю историю поиска, — нет, как сейчас модно говорить, от слова «совсем». С чем же тогда работают практические психологи?

Для прояснения ситуации необходимо обратиться к классификации наук. Вопрос это сложный, однозначного решения не имеющий, поэтому каждый вынужден принимать наиболее убедительное для него решение из имеющихся. Наш выбор — классификация наук от В. М. Аллахвердова (Аллахвердов, 2000, 2003), тем более что этот автор создавал свою классификацию, имея сверхзадачей понимание классификации психологических наук и места психологии в пространстве Науки.

По В. М. Аллахвердову, существует пять типов наук (соответственно пять типов психологий): логико-математические; естественные (они же экспериментальные); эмпирические, которые делятся на эмпирические в узком смысле, где — по крайней мере пока — невозможен эксперимент, гуманитарные и практические.

Сейчас нас интересуют науки практические. Их главное отличие, критерий выделения — польза. Если нечто полезно, то оно достойно изучения и разработки для практики. При этом практические науки, по крайней мере на начальной фазе их существования (которая может длиться очень долго — в физике она закончилась с появлением Галилея, в психологии этот фазовый переход идет, но он отнюдь не закончен), не имеют ответа на судьбоносный для науки вопрос «Почему?». Например, действия психотерапевта (будем для простоты всех специалистов, оказывающих психологическую помощь, называть психотерапевтами) приводят к положительному результату — почему? Практические науки, которым обучают на инженерных факультетах, на подобные вопросы дают теоретически обоснованные, проверяемые ответы. В практической психологии, занимающейся широко понимаемой психотерапией — от пограничной психиатрии до семейных, производственных и внутриличностных конфликтов, ответы, конечно, тоже есть, но можно ли назвать их теоретически обоснованными и проверяемыми? Если да, то крайне редко, поскольку, в отличие от фундаментальной физики и математики, фундаментальная психология все еще становится, но не стала пока теоретической наукой.

Вот ситуация! Практические психологи работают с поломками или сложностями функционирования души (сознания), не представляя, что это такое, поскольку о них имеется бесконечно многообразная эмпирия, но крайне скудная теория, т. е. нет компаса для ориентировки в этом многообразии (Аллахвердов, 2003).

Но если еще недавно психологическое сообщество было солидарно с А. Н. Леонтьевым, считавшим, что психология, накопившая множество первоклассного строительного материала, не имеет архитектурного проекта для возведения здания психологической теории, то совсем недавно ситуация стала стремительно меняться. В последние десять (особенно пять) лет оформляется гиперсетевая теория сознания, автор которой академик К. В. Анохин обещает предъявить окончательный ее текст в ближайшее время. А пока с теорией можно знакомиться по многочисленным статьям и интернет-роликам (Анохин, 2021). Теория производит сильнейшее впечатление: наконец-то на стыке нейробиологии, психологии и философии, благодаря созданию технических средств — еще вчера

немыслимых — для изучения мозга, появилась возможность понять, каковы условия и механизмы появления нового качества — психики в работе физиологической субстанции мозга.

В 2005 г. журнал «Science» провел опрос множества ведущих ученых мира из разных областей науки, задав вопрос: что вы считаете самой важной проблемой, которую может решить наука в перспективе 25 лет? Большинство голосов набрали две проблемы: из чего состоит Вселенная и биологические основы сознания. Похоже, нейробиологи укладываются в назначенные для решения второй задачи сроки. И поскольку гиперсетевая теория сознания К. В. Анохина, очевидно, не редукционистская, психологи наконец-то могут выдохнуть и расслабиться: угроза исчезновения их науки (редукции ее к физиологии мозга) уходит в прошлое. И перед человечеством, наукой в целом и психологией в частности открываются перспективы, доселе невиданные.

Почему мы говорим об этом, какое отношение это имеет к вопросу о том, зачем учить на психолога? Прямое и непосредственное. Как следует из классификации наук В. М. Аллахвердова, психология принадлежит ко всем названным классам, и каждый психолог обязан знать законы жизни каждого класса, отдавать себе отчет, какой психологией он занимается, и не путать жанры. И это надо изучать в университете (для «парапсихологов» это знание избыточно, но уже на «фельдшерском» уровне будет нелишним). А для изучения естественно-научной (она же экспериментальная, она же фундаментальная) психологии на психфаке сверхзадачей должно стать освоение теории сознания. Появление фундаментальной теории сознания позволит психологам давать обоснованные и проверяемые ответы на вопросы, о которых шла речь выше. Случится ли это к 2030 г. — посмотрим, но то, что нынешние студенты до этой фазы развития психологии доживут, весьма вероятно. Практические психологи с такой фундаментальной подготовкой обретут возможности современных инженеров — создавать продукт, отвечая за его качество. Чего нынешние практические психологи лишены категорически и, строго говоря, по независящим от них причинам.

Впрочем, обретет эти возможности только малая часть поступающих на первый курс. Беда в том, что 20 % обладателей понятийного мышления среди выпускников массовой школы (в элитных школах положение дел существенно лучше, но и количество их существенно меньше) — это «мягкая» оценка, «жесткая» оценка, по данным Л. Я. Ясюковой, — 20 % среди лиц с высшим образованием. А остальные... Люди вообще редко чувствуют дефицит понятийного мышления — этой важнейшей части интеллекта, поскольку есть множество профессий и жизненных ситуаций, где действовать нужно по алгоритму, по инструкции и под присмотром, т. е. отсутствие понятийного мышления как бы и некритично. Но для руководителей и для учителей (в широком смысле) это становится критичным, поскольку от качества принимаемых ими решений напрямую зависит будущее.

Вывод из сказанного напрашивается сам: количество выпускаемых университетами психологов должно быть резко сокращено, чтобы не дискредитировать

важнейшую из наук (о душе/сознании все-таки), увеличивая с каждым годом количество профнепригодных обладателей дипломов. Если кому-то это заявление покажется слишком сильным, то приведем еще один пример. Выдающийся отечественный психолог Л. М. Веккер, в 1980–1990-е гг. работавший в Америке, провел большое кросс-культурное исследование понятийного мышления на детях 6–8 лет из США, Канады, ряда европейских стран. Ему помогали молодые люди — обладатели психологических дипломов, бакалавры и магистры. Лев Маркович попросил своих ассистентов выполнить те задания, которые предлагались детям. Результат: профессиональные психологи справились с заданиями для детей 6–8 лет немногим лучше детей 6–8 лет (Веккер, 1998). Это значит, что они неспособны выделять суть явления, видеть причину и прогнозировать последствия, систематизировать информацию и строить целостную картину ситуации. Есть ли у нас основания думать, что наши сегодняшние бакалавры и магистры лучше тех четвертьвековой давности?

Про сокращение количества выпускников легко говорить, но до тех пор, пока образовательная политика в стране остается такой, какой ее сделали в 90-е, ничего сделать невозможно, поскольку количество так называемых коммерческих студентов — одна из опор финансового благополучия вуза. Но вот изменить характер обучения, сделать его по-настоящему трудным и напряженным — это в наших силах, было бы желание. И пусть те, кто не тянет, получают свои тройки (двойки нельзя — «студентосбережение»). В конце концов прав был декан философского факультета УрГУ А. В. Перцев, который в 90-е открывал свои филиалы в разных медвежьих углах. На вопрос «Зачем?», это же, мол, профанация, он ответил, что пусть лучше эти 10–20 жителей Тугулыма живут в ауре университета, чем пьют и колются. Вот и мы потерпим в надежде, что радикальные решения наверху все-таки будут приняты. А пока остается следовать завету Марка Аврелия: делай, что должно...

Литература

- Аллахвердов, В. М. (2000). *Сознание как парадокс*. Санкт-Петербург: Изд-во ДНК.
- Аллахвердов, В. М. (2003). *Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания*. Санкт-Петербург: Речь.
- Анохин, К. В. (2021, 27 мая). *Мыслящая гиперсеть* (видео). URL: <https://www.YouTube.com/watch?v=zCigop3k8Lo&list=PLCmryjR0tZRPD3CHN5A8PRzCQWVT8Ofk&index=10>
- Боднар, А. М., Боднар, Э. Л. (2020). К вопросу о том, как учить «на психолога». *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 26(2), 158–168. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.2.040>
- Веккер, Л. М. (1998). *Психика и реальность: единая теория психических процессов*. Москва: Смысл.
- В Думе впервые честно сказали об образовании (2021, 12 апреля; видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GKAVT2uQ67E>

- Новик, М. (2022, 26 июня). Как США копировали наработки обычных советских школ. *Life*. URL: <https://life.ru/p/1504122>
- Савватеев, А. В. (2022, 27 мая). *Сон, физтех и наука* (видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GapVI8zM9tY&t=1434s>
- ФГОС «Родная школа». Обсуждение (2022, 11 июля; видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RFb5WUL2cQc>
- Чумакова, Т. (2022, 19 июля). *Начальная школа глазами педагога с 35-летним стажем* (видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7KBJdAvIEfk>
- Шевкин, А. В. (2021, 9 октября). *Разговор об образовании* (видео). URL: https://www.youtube.com/watch?v=kdJmW_cDPMg
- Щедровицкий, Г. П. (2004). *Психология и методология, Т. 2: Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий*. Москва: Путь.
- Ясюкова, Л. А. (2010). Проблемы психологии понятийного мышления. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика*, 3, 385–394. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15519145&yclid=ljzi2c0uez646786864>
- Ясюкова, Л. А. (2022, 22 сентября). *Об изменениях в структуре мышления школьников за 30 последних лет* (видео). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TY6hJIqNgUA>
- Ясюкова, Л. А. (2023, 6 января). *Какая теоретическая психология нужна психологической практике? Комплексное изучение целостного человека в традиции ленинградской психологической школы* (видео). URL: <https://youtu.be/eli8zBWicRU>

Оригинал статьи получен 01 февраля 2023

Исправленная статья принята 01 марта 2023

Об авторах:

Боднар Александр Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-2131-2698>; kk001127788@gmail.com

Боднар Эльвира Львовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-2600-5446>; e.l.bodnar@urfu.ru

About the authors:

Bodnar Alexander M., PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-2131-2698>; kk001127788@gmail.com

Bodnar Elvira L., PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-2600-5446>; e.l.bodnar@urfu.ru